

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Храпко-Магала М.В. Практика употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюзива в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX в. (на примере форм имперфекта, аориста и настоящего времени) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.77022 EDN: JNAHNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77022

Практика употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюзива в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX в. (на примере форм имперфекта, аориста и настоящего времени)

Храпко-Магала Мария Валерьевна

преподаватель; факультет журналистики; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 9 стр. 1

✉ koulenkamfp@ya.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.77022

EDN:

JNAHNG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению грамматических маркеров эвиденциальности в болгарском языке конца XIX в. Автор подробно рассматривает случаи употребления форм л-причастий с глаголом-связкой и без глагола-связки в 3-м лице в конструкциях пересказа, в которых передаваемая информация вводится с помощью референциального глагола. Материалом для исследования является переписка второй половины XIX века болгарского языковеда Найдена Герова и его адресатов (всего 18 авторов). Приводятся и анализируются количественные показатели употребления глагольных форм в указанных конструкциях. Автор дает интерпретацию грамматических эвиденциальных маркеров, обращаясь к широкому контексту и учитывая когнитивную классификацию информации в сознании носителя языка как полученную с чужих слов или как собственную опосредованную информацию на основе общего опыта. В данной статье для исследования материала автором применяется описательный метод, метод

компонентного анализа, а также лингвотекстологический метод. В результате исследования мы пришли к выводу, что в конструкциях пересказа с референциальным глаголом может передаваться информация, по-разному классифицированная в сознании автора текста. О том, к какому типу она относится, можно судить по глагольной форме, которая используется адресантом. Самой частотной формой в указанных конструкциях становится л-причастие без глагола связки в 3-м лице. В этом случае нет столкновения значений лексического и грамматического эвиденциального показателя: оба говорят о дистанции авторов текста от передаваемой информации и выдвижении на первый план семантики пересказа. В случае использования л-причастия с глаголом-связкой информация характеризуется как входящая в сферу собственных опосредованных знаний пишущего, что при наличии такого лексического эвиденциального маркера, как референциальный глагол, усложняет интерпретацию высказывания и требует привлечения широкого контекста.

Ключевые слова:

болгарский язык, история болгарского языка, косвенная эвиденциальность, контекст, глагол, пересказ, ренарратив, конклюзив, перфект, когнитивная классификация информации

Определяя значение категории эвиденциальности, ученые выделяют в качестве основного разные аспекты ее семантики: так, для А. Айхенвальд [\[1\]](#) определяющим является источник информации, для В. Плунгяна – способ доступа к информации [\[2\]](#), а Р. Ницолова говорит о том, что «эвиденциальность представляет собой выражаемое языковыми средствами когнитивное состояние говорящего, связанное с получением информации из определенного источника, а также ее когнитивную классификацию, которая может быть различной для одного и того же сообщения в разное время» [\[3, с. 27-28\]](#). А. Айхенвальд, классифицировав существующие в языках мира эвиденциальные системы, отнесла болгарский язык в числе других балканославянских языков к типу А1, в основе которого лежит бинарная оппозиция [\[4, с. 59\]](#). Однако впоследствии ученые, исследующие болгарскую эвиденциальную систему, обратили внимание на ее более сложное устройство. Так, М. Макарцев придерживается мнения, что в основе болгарской системы лежит не двучленная, а тернарная, то есть трехчленная, оппозиция, в которой противопоставляются формы прямые, косвенные и нейтральные по отношению к эвиденциальности [\[4, с. 101\]](#). Г. Герджиков, Р. Ницолова и ряд других исследователей считают, что в болгарском языке представлена четырехчленная система (индикатив, конклюзив, ренарратив и дубитатив). К. С. Алексова также поддерживает эту точку зрения и говорит о том, что в классификации, предложенной А. Айхенвальд, нет индекса, который бы в полной мере описывал болгарскую эвиденциальную систему, и потому может быть введен новый тип С4 [\[5, с. 29\]](#).

В болгарском языке категория эвиденциальности находит выражение как в лексических, так и грамматических средствах. В настоящей статье предметом изучения стали формы л-причастий со связкой и без нее в 3-м лице единственного и множественного числа, которые были использованы в конструкциях пересказа совместно с лексическим маркером эвиденциальности – референциальным глаголом. Материалом для исследования послужила переписка второй половины XIX века болгарского языковеда, преподавателя и представителя болгарского Возрождения Найдена Герова и его

адресатов (всего 18 авторов). Письменные источники болгарского языка данного периода представляют большой интерес: с одной стороны, они демонстрируют болгарский язык до момента кодификации грамматиками, с другой – фиксируют тот этап языка, на основе которого и возникла академическая грамматическая норма. На протяжении длительного времени формы л-причастий со связкой и без нее, использованные в конструкциях пересказа, вызывали и порой до сих пор вызывают обсуждения: грамматики в качестве нормативного употребления для ренарратива (пересказа) фиксируют использование л-форм в 3-м лице без глагола связки, однако на практике и в современном языке, и в исторических текстах можно встретить использование указанных л-форм с глаголом связкой даже в таких случаях, когда лексические средства (например, глаголы речи) однозначно маркируют ситуацию как ренарратив, например в конструкциях подобных [Адресант сказал (написал) адресату, что...] или [как мне сказали (написали)...], где, без сомнения, источником информации является не сам говорящий, а третье лицо.

В грамматиках л-формы со вспомогательным глаголом отражаются, но закрепляются не за ренарративом, а за другими парадигмами, например за перфектом и конклюзивом [6], [7]. В научных исследованиях отмечаются трудности в интерпретации подобных форм, ввиду того что они «лежат на границе перфекта и конклюзива или пересказа» [8, с. 186]. В художественном и историческом тексте наблюдается «конкуренция между формами перфекта и пересказа при обозначении ненаблюдаемых событий и передаче информации, полученной из некоторого источника» [9, с. 119]. Одновременно с этим в языке отмечается непроизвольное колебание связки в 3-м лице, что вообще дает некоторым исследователям возможность ставить под сомнение целесообразность разделения парадигм, так как за исключением 3-го лица они омонимичны. Однако даже если закрыть глаза на подобные случаи колебания связки, то не все ученые согласны и с тем, что на основании только лишь ее наличия или отсутствия в третьем лице можно говорить о разграничении парадигм (подобного мнения придерживаются, например, В. Станков и М. Макарцев [4, с. 102]).

Не отрицая возможности колебания связки, мы придерживаемся гипотезы о том, что объяснение наличия/отсутствия вспомогательного глагола в формах 3-го лица может лежать в области когнитивной классификации информации говорящим. Подробно путь восприятия информации и возможная последующая ее поэтапная трансформация от опосредованного знания к «сильному» в сознании носителя болгарского языка описан применительно к современному этапу развития языка Н. Ницоловой: «В болгарском языке <...> наблюдается перемещение информации из „ящика“ дубитатива или ренарратива, где она может быть поставлена в самом начале ее получения с чужих слов, в „ящик“ конклюзива (имеется в виду неинфериенциальное значение конклюзива, когда выражается собственная опосредованная информация на основе общего опыта), и наконец информация может попасть в „ящик“ индикатива, когда говорящий ее классифицирует как „сильное“ знание» [3, с. 33]. Не противоречат этому и данные, полученные в ходе изучения текста исторической тематики, в котором была отмечена конкуренция форм перфекта (т. е. формы л-причастия со глаголом-связкой в третьем лице. — Примеч. авт.) и пересказа. Ю. Григоренко отмечает, что формы используются в очень близких контекстах и порой даже соседствуют в одном предложении [9, с. 123]. Говоря об их основных значениях, исследователь обращает внимание на то, что л-формы со связкой используются, «когда автор пытается показать свою объективность, апеллируя к истории» [9, с. 121], обозначает передаваемую информацию как

«объективный факт, а не просто сообщение из источников» [9, с. 123]; также для некоторых случаев не исключается у л-форм и наличие определенного модального значения, указывающего «на убежденность автора [текста] в сообщаемом» [9, с. 123].

Однако особенно сложна и не всегда однозначна на первый взгляд оказывается трактовка случаев, когда в одном высказывании при передаче вторичной информации л-формы как без глагола-связки, так и со связкой встречаются в конструкциях с ренарративным глаголом. То есть помимо грамматического эвиденциального маркера присутствует еще один – лексический. В такой ситуации может возникать противоречие грамматической формы и других показателей косвенной эвиденциальности (пример 1). Так, при использовании ренарративной формы (л-форма без глагола-связки в 3-м лице) говорящий передает не свою собственную информацию, а информацию чужую, известную со слов третьего лица. Формы конклюзива (л-форма с глаголом-связкой в 3-м лице) характеризуют информацию как собственное незасвидетельствованное знание (надо отметить, что эти формы передают несколько значений; так, они могут обозначать и «собственную информацию, базирующуюся на умозаключении, которое строится на основе определенных данных» [3, с. 30]). Отмечается также, что «при этом способ получения информации не характеризуется» [3, с. 30]. Однако в нашем же материале л-формы со связкой попадают в синтаксические конструкции с глаголом речи, когда указывается источник передаваемой информации и каким образом она получена. При анализе подобных случаев исследователи достаточно часто ограничиваются краткими фрагментами высказывания, которое не может дать полноценного понимания когнитивной квалификации автором информации (например, возможно обращение непосредственно к предложению, в котором встречается форма, фоновая информация же при этом не привлекается). Мы ставили задачей, с одной стороны, описать формы, которые встречаются в речи авторов, отметить наличие или отсутствие у них вспомогательного глагола, отследить их частотность, с другой – постараться дать анализ их семантики, привлекая для трактовки более широкий контекст, для того чтобы получить дополнительные сведения, раскрывающие возможный характер классификации информации говорящим.

(1) Г-нь Начевичь, кой-то дойде преди един день тука, **каза**, че Правителство-то **е решило** да отвори училище... [10, с. 23] (В. Богданов) – Господин Начевич, который прибыл сюда день назад, сказал, что правительство приняло решение открыть школу (училище)... (Здесь и далее примеры представлены в упрощенной орфографии. – Примеч. авт.)

Из корреспонденции Н. Герова и его адресатов – всего 18 авторов – были отобраны 129 употреблений л-форм 3-го лица со связкой и без нее, которые вводятся при пересказе глаголами речи. На эту выборку из 129 случаев пришлось 108 примеров использования л-форм без глагола-связки и 21 примера со связкой. Таким образом, хорошо видно преобладание форм без вспомогательного глагола: они присутствуют у 16 авторов. В то же время формы со связкой распределены неравномерно: практически половина примеров (таблица 1) приходится на речь Н. Герова (их количество составляет половину всех случаев 11 из 21); в корреспонденции Евлогия Георгиева только 4 примера, что значительно уступает формам л-причастия без связки, которые у него встречаются 25 раз. Единичные употребления этих форм в письмах присутствуют еще у пяти авторов.

Таблица 1. Формы л-причастий с глаголом-связкой в 3-м лице и без глагола-связки

Адресант	Кол-во форм л- причастия без связки в 3-м лице	Кол-во форм л- причастия со связкой в 3-м лице
Н. Геров	26	11
Евл. Георгиев	25	4
В. Каракановский	17	-
В. Иванов	10	-
З. Княжески	7	1
В. Богданов	5	1
С. Костов	3	-
Хр. Георгиев	3	-
К. Геров	2	1
Ф. Стоянов-Бурмов	2	-
Г. Золотович	2	-
Б. Петков	2	-
Д. Врачанский	1	-
Аверки	1	-
Р. Гурова	1	-
К. Васильев	1	-
Сп. Иванов	-	1
Н. Чалики	-	2

Таким образом, наиболее частотным и, соответственно, предпочтительным при передаче несвидетельской информации в конструкциях с глаголами речи для языка второй половины XIX в. является использование л-форм без вспомогательного глагола. Подобное употребление мы можем видеть в примерах 2, 3, 4: в них авторы дистанцируются от передаваемой информации и не дают ей личной оценки.

(2) *Печатарь-ть Шварц <...> не работи хубаво, **казва**, че **нямал** инструменты, и че го **излъгал** Карниол, та трябва да принудите Карниола или да дойде да свърши работа-та или да повръне пары-ты, дето гы е зел, та да тръсимъ другыго да направи печаты-ты [10, с. 163]* (Н. Геров) – Печатник Шварц <...> не работает хорошо, говорит, что у него нет инструментов и что его обманул Карниол, и требует, чтобы заставили Карниола или прибыть сюда, чтобы он закончил работу, или вернуть деньги, которые он взял, и [говорит], чтобы мы искали другого, чтобы он осуществил печать.

(3) ...г-н Манеоглу трябва да е много сребролюбец, защото много **ся оплакуваше**, че харчове-ты **станали** големи, а печяла **нямало** [10, с. 117]. (Ев. Георгиев) – ...г-н Манеоглу должно быть большой сребролюбец, потому что он жаловался, что расходы стали большие, а прибыли не стало.

(4) **Хортува ся** иоще че **приминали** две шайки от Сърбия с Хильо воевода и **ся ударили**

на няколко места с Турцы-те [10, с. 750]. (В. Каракановский) – Говорят еще, что пришли две банды из Сербии с Ильо Воеводой и вступили в столкновения в нескольких местах с турками.

Стоит обратить внимание на тот факт, что при появлении эпистемически окрашенного глагола речи информация также передается л-формой без связки, которую по-прежнему стоит читать как нейтральную. При этом эпистемическая семантика референциального глагола может быть поддержана эпистемическими частицами, например частицей **уж**. Подобный случай представлен в примере 5.

(5) *Хрисант наклеветил Българы-ты, че уж искали да вдигнат глава въз Турци-ты на Великден* [10, с. 224]. (Н. Геров) – Хрисанф оклеветал болгар, сказал, что будто они хотели бунтовать против турок на Пасху. (Письмо датируется 17 апреля 1857 г., Пасха отмечалась 5 апреля. – Примеч. авт.)

Как отмечалось, в конструкциях пересказа [*Г* сказал (написал) *C*, что...] / [как мне сказали (написали)...] особый интерес именно вызывает использование л-форм с глаголом-связкой. Восприятие их вслед за Н. Ницоловой как форм неумозаключительного конклюзива, отражающих слабое незасвидетельствованное знание, основанное на общем опыте, значительно усложняет интерпретацию. В высказывании уже существует ссылка на источник информации и способ ее получения в виде глагола речи. Однако Болгарская грамматика Р. Ницоловой [7] в том числе по источнику информации «разводит» значения конклюзива и ренарратива. В этом, на наш взгляд, и может заключаться основная трудность в интерпретации: в одном высказывании информация сначала через референциальный глагол маркируется как чужая, а затем grammatical formой обозначается как уже свое опосредованное знание. Однако такие случаи, вероятно, требуют раздельного прочтения лексического эвиденциального маркера и grammatical formы глагола.

Для того чтобы прояснить случаи подобного употребления л-форм со связкой, мы обратились к контексту, в некоторых случаях достаточно широкому. Например, рассматривали описываемую ситуацию не самостоятельно и даже не в рамках одного письма, а при необходимости принимали в учет все письма, которые в той или иной степени могли касаться передаваемой информации. Подобный подход позволил во многих случаях уточнить значение употребленной формы и дал основание предполагать, что л-форма со связкой была в таких случаях использована сознательно и ее появление можно объяснить когнитивной классификацией автором полученной информации. Так, подобные формы появляются в тех случаях, когда описываемая информация входит в категорию слабого знания автора – описываемые факты/действия известны определенному кругу лиц (они могут быть получены от 3-го лица, но уже восприняты говорящим, поэтому далее передаются уже как собственная опосредованная информация).

Рассмотрим пример 6 из письма Велко Богданова. В нем мы видим, как глагол речи «каза» вводит л-форму со связкой «е решило». На первый взгляд, использование такой глагольной формы совместно с референциальным глаголом может показаться немотивированным, однако анализ более широкого контекста проясняет ситуацию. Из него мы узнаем, что информация, передаваемая автором, уже полноценно воспринята им и вошла в категорию его знаний. Об этом нам говорит тот факт, что в дальнейшем Богданов с опорой на данную информацию строит свои планы на будущее: автор предполагает связать свою деятельность с упоминаемым учебным заведением (*Моля Ви*

се да ми кажете да ли ще строя добре, ако вляза и аз в това училище или не). Таким образом, Богданов, вероятно, вполне намеренно использует глагольную форму со связкой (*Правителство-то е решило*), так как это не просто передача слов 3-го лица об учреждении школы, а уже полноценный факт для него.

(6) Г-нъ Начевичъ, кой-то дойде преди един денъ тuka, **каза**, че Правителство-то е **решило** да отвори училище, въ кое-то да ся пригответ хора за служители при Русски-те чиновници въ България. <...> Моля Ви се да ми кажете да ли ще сторя, ако вляза и аз в това училище или не [10, с. 23]. (В. Богданов) – Господин Начевич, который прибыл сюда день назад, сказал, что правительство приняло решение открыть школу (училище), в которой будут готовить служащих для русских чиновников в Болгарии. <...> Прошу Вас, скажите мне, будет ли возможно мое участие [в качестве учителя] в этой школе или нет.

К собственным опосредованным знаниям мы можем отнести и еще один пример использования формы глагола со связкой после лексического эвиденциального маркера (7). Он касается ситуации негативных разговоров о Н. Герове и реакции на них паши. Автор на протяжении длительного времени сталкивался с оговорами, он пытался восстановить свое честное имя (был на приеме у паши и доказывал свою невиновность; после визита ему передали, что паша во всем разобрался): Геров включен в ситуацию и, видимо, вследствие этого не дистанцируется от передаваемой информации, а наоборот, активно верит в благополучный исход дела.

(7) Паша-та **казва**, че е **отbral**, какво всичко-то е било от клевета и зависть, и че ще даде такъв отговор, каквото аз да бъда оправдан. [10, с. 216]. (Н. Геров) – Паша говорит, что понял, что все это было вызвано клеветой и завистью и даст такой ответ, чтобы я был оправдан.

Примеры (8) и (9) показывают в одном случае воспроизведение информации из газет (в них, как известно, преобладает подача информации как факта действительности), которую автор письма Н. Геров передает как общеизвестный факт; а в другом – воспроизводятся слова собеседника, от которых автор также намерено не дистанцируется, а наоборот, они маркированы как опосредованное знание: об этом может свидетельствовать факт ожидания дальнейшего разворачивания ситуации после указанного события (нъ тuka и до сега не ся е явило такова нещо и по тая причина общиныты и не са правили жялбы) – реакции властей (например, письменной) и возможности в дальнейшем для общин подавать жалобы.

(8) В Европейски-ти газеты пишат, какво не са доволни от него нито Турци-ти, нито Христиане-ти. Истинно ли е това, и зачто да е така? **Казват**, че Христиане-ти и Ерманлии-ти **са протестували** против него [10, с. 185]. (Н. Геров) – В европейских газетах пишут, что им (султанским указом) не довольны ни турки, ни христиане. Это правда и почему это так? Говорят, что христиане и армяне протестовали против него.

(9) **Казвате ми**, чи от тамо ся е **пратил** образ за жялба към Митрополията за представител, нъ тuka и до сега не ся е явило такова нещо и по тая причина общиныты и не са правили жялбы... [10, с. 111]. (Евл. Георгиев) – Вы говорите мне, что оттуда отправили образец жалобы в Митрополию на представителя, но сюда и до настоящего момента ничего не пришло и по этой причине [городские] общины и не подавали жалоб.

Факт того, что формы лежат на границе конклюзива, перфекта и ренарратива, очень хорошо виден в двух следующих ниже примерах из писем Н. Герова, в которых описана фактически одна и та же ситуация, в первом случае (10) используется л-форма без

связки, а во втором (11) – со связкой. В обоих примерах речь идет о словах митрополита Хрисанфа, которые Н. Геров оценивает как ложные: эпистемическая оценка выражена не грамматическими, а лексическими средствами (уж, *наклеветил*, клевета) и поддержана контекстом.

(10) *Хрисант наклеветил Българи-ты, че уж искали да вдигнат глава въз Турци-ты на Великден* [\[10, с. 224\]](#). (Н. Геров)

(11) [Владыка Хрисант]... на Цариград **писал** на патриарха, **у ж** че **Българе-ти са вдигнали** глава да въведат с сила тука французски уряд и други такывы клеветы. <...> и пашия-та откак **ся увери**, че това **е было** клевета, отишъл си в Едрене преди два дни [\[10, с. 213\]](#). (Н. Геров) – [Митрополит (епископ[?]) Хрисанф]... в Царьград, говорят, писал патриарху, что будто болгары взбунтовались, чтобы ввести силой здесь Французский порядок, и другую подобную клевету. <...> и паша, когда убедился, что это было клеветой, отбыл в Эдирне два дня назад.

Пример (10) хронологически более поздний, в нем намерение болгар бунтовать против турок на Пасху (Пасха к данному моменту уже прошла) описывается л-формой от глагола несовершенного вида. В то же время точно известно, что никакого бунта не было, да и в подобные намерения Геров не верит. Пример представляет случай многоуровневого пересказа (т. е. факт того, что Хрисанф что-то говорил, известен с чужих слов). В примере (11) л-форма со связкой также появляется внутри многоуровневого пересказа. Митрополит Хрисанф (субъект высказывания) сознательно обманывает патриарха, сообщая о восстании болгар как о совершившимся факте (используется форма совершенного вида), то есть перед нами утверждение факта, а не пересказ цепочки событий. Таким образом, именно позиция Хрисанфа (утверждение конкретного факта, результата) могла способствовать появлению вспомогательного глагола.

Проанализировав случаи употребления л-форм с глаголом-связкой в речи Н. Герова, на корреспонденцию которого приходится основное количество примеров, мы пришли к выводу, что автор в своей речи при использовании конструкций с глаголом речи стремился к различению л-форм со связкой и без нее. Небольшое количество употреблений этих форм в речи остальных корреспондентов (6 авторов) не дает возможности сделать вывод о норме, представленной в идиолекте каждого из них, однако позволяет говорить все о той же тенденции к разграничению указанных форм. Так, Сп. Иванов – племянник Н. Герова – пишет дяде о том, что его двоюродный брат сожалеет, что не уведомил Герова о своей поездке (отсутствие сообщения является объективным фактом, известным как Сп. Иванову, так и Н. Герову) (пример 12).

(12) *Братовчед ми, Христио, стигна в село. Той си признава, че е направил голяма погрешка, где то не е щял ди Ви ся обади на тръгнание...* [\[10, с. 712\]](#). (Сп. Иванов) – Мой двоюродный брат Христио прибыл в село. Он признается, что совершил большую ошибку, что не хотел Вам сообщить об отправлении.

Характер когнитивной классификации информации, переданной л-формой со связкой, в тексте письма Евл. Георгиева (пример 13) становится более определенным при подробном анализе контекста: автор, рассуждая о факте, известном со слов третьего лица и переданном л-формой со связкой (написание письма пашой с распоряжением о просмотре книг), говорит о том, что будет ясно, создаст ли в будущем эта проверка книг препятствия (*Не ся знай, тая мера да не направи някоя спънка за внасянието на църковны-ты книги в турска-та Дръжява това ще стане явно, кото дойдат някому такива книги в Гюмрукат*), то есть автор уже полностью воспринял информацию и оперирует ею,

когда размышляет о будущем.

(13) *В Свищов като бях **казаха** ми Г-на Д. Начович и И. Станчоглу, че Видянският Паша е писал на тамошният Мудирян да прегледова какви книги идат от вън за България и да му дава [10, с. 118].* (Евг. Георгиев) — Когда я был в Свиштове, г-да Д. Начович и И. Станчоглу сказали мне, что видинский паша написал тамошнему мудирияну, чтобы проверял, какие книги идут из-за границы в Болгарию, и показывал ему.

В некоторых случаях фоновой информации не хватает, чтобы точно определить, как квалифицируется информация в сознании автора (примеры 14, 15). Так, в примере (14) из письма К.Герова нет дополнительных данных, которые могли бы свидетельствовать о том, что автор передает высказывание как собственное незасвидетельствованное знание. Это мы можем предполагать лишь из выбора л-формы со связкой (е захванал).

(14) *От Г. Иоакима Груева приях писмо от Филибе, в което ми известява, че е захванал там работа-та си в наше-то училище» [10, с. 426].* (К. Геров) — От г. Иоакима Груева получил письмо из Пловдива, что он начал там работать в нашей школе (училище).

Фрагмент письма Н.Чалики (15) содержит несколько предикативных частей, первая из которых вводится конструкцией с референциальным глаголом (*турците са пратиле една голема воиска*) и, без сомнения, принадлежит жителю Казанлыка, последующие же части можно воспринять как продолжение первого высказывания или же как размышление самого Н.Чалики (*ако Руссите са принудать да бегать назвать сички българе са готовъ да бегать тоже от Казанклък*). Если автор строит свои рассуждения с опорой на высказывание жителя Казанлыка, то это подтверждает, что новая информация уже воспринята им и вошла в фонд собственных опосредованных знаний, что и отражается в выборе л-формы со связкой (*турците са пратиле*). Однако прочтение может быть и иным. Стоит также отметить, что в целом в переписке Н.Чалики часто встречаются отклонения от грамматической нормы, поэтому колебание связки нельзя исключить.

(15) *Какту ми **казва** вчера един Казанликлия турците **са пратиле** една голема воиска въ Гени-загора и тиа дни са готови война, ако Руссите са принудать да бегать назвать сички българе са готовъ да бегать тоже от Казанклък [10, с. 777].* (Н.Чалики) – Как мне сказал вчера один житель Казанлыка, турки отправили большую армию в Ени-Загре, и в эти дни готовится война, если русские будут вынуждены бежать назад все болгары также будут готовы бежать из Казанлыка. (Сейчас город Нова-Загора. 18 июля 1877 г. произошла одна из ключевых битв Русско-турецкой войны – сражение при Ени-Загре. Письмо, отправленное из Пловдива, датировано 21 июля 1877 года, однако в нем идет речь о подготовке к сражению. Возможно, или письмо было написано раньше, или автор недостаточно оперативно получал сведения. – Примеч. авт.)

Итак, основная трудность при анализе л-форм в конструкциях с референциальным глаголом, на наш взгляд, заключается в столкновении сразу несколько значимых показателей эвиденциальности: с одной стороны, выступают лексические маркеры (глаголы речемыслительной деятельности), которые выдвигают на первый план семантику пересказа, показывая способ получения информации и ее источник, а с другой — грамматическая форма глагола, которая отражает когнитивную классификацию передаваемой информации (дистанцированность или, напротив, включенность в сферу собственных опосредованных знаний говорящего). Для данной переписки в конструкциях с глаголами речи стандартным способом для введения передаваемой информации становится использование форм л-причастия без связи. В этом случае они несут семантику нейтрального пересказа, лишены эпистемического компонента в

значении и требуют совместного прочтения с лексическим эвиденциальным маркером (глаголом речи).

Появление в конструкциях с референциальным глаголом форм л-причастий со связкой в третьем лице заметно усложняет семантику предложения и требует более внимательного прочтения, а также учета по возможности экстралингвистических факторов. Обращение к широкому контексту при анализе позволило уточнить, как в сознании автора классифицируется передаваемая информация. В подавляющем большинстве случаев формы л-причастия со связкой описывают именно собственное опосредованное знание, несмотря на то что выступают совместно с ренарративным лексическим маркером, который относит передаваемое сообщение к третьему лицу. Таким образом, хотя и не во всех случаях при анализе контекста нам удалось найти соответствующие подтверждения, на основании рассмотренных примеров можно говорить об определенной тенденции в использовании форм л-причастия со связкой в 3-м лице в ситуации пересказа.

Библиография

1. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
2. Плунгян В. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
3. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категорией времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкоznания. 2006. № 4. С. 26-45.
4. Макарцев М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.-СПб.: Нестор-История, 2013.
5. Алексова К. С. Эвиденциальная система болгарского языка // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2025. С. 12-33. EDN: XUKBSS.
6. Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. София: Издателска къща "Петър Берон", 1998.
7. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетското издателство "Св. Климент Охридски", 2008.
8. Васильева О. В. Функционирование перфекта изъявительного наклонения в современном болгарском литературном языке: дисс. ... канд. филологических наук. Спб., 2006. EDN: NOBEWZ.
9. Григоренко Ю. А. Функционирование форм перфекта в переводе научного текста с русского на болгарский язык // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 117-123. EDN: RPXZIV.
10. Изъ архивата на Найден Геровъ: писма, доклади и материали за възраждането на българския народъ. Книга I. Корреспонденция съ частни лица: А-Л (Аверки – Лобановъ) / под ред. на Т. Панчевъ. София: Българската академия на науките, 1911.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена специфической и в то же время актуальной проблематике: практике употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюзива

в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX века. Автор анализирует эвиденциальные л-формы в контекстах пересказа, опираясь на эпистолярные материалы Найдена Герова и его корреспондентов, что делает предмет исследования чрезвычайно ценным для исторической болгаристики, славянского языкоznания и теории эвиденциальности. Уже сама постановка задачи — выявить семантические механизмы распределения л-форм со связкой и без нее при наличии лексического эвиденциального маркера — демонстрирует глубокое понимание сложности взаимодействия грамматических и когнитивных факторов в болгарском языке рассматриваемого периода.

Методология исследования отличается продуманностью и тщательностью. Автор использует сочетание количественного анализа (129 примеров употребления форм) и контекстно-ориентированного качественного анализа, привлекая широкий контекст писем, включая фоновые социальные и биографические сведения, когда это необходимо. Такой подход позволяет избежать редукционизма, свойственного исследованиям, где л-формы анализируются в изоляции. Особенno значимым является то, что автор выявляет необходимость чтения формы не только в пределах непосредственного предложения, но и на фоне всего корпуса корреспонденции, что даёт возможность реконструировать когнитивную классификацию информации говорящим.

Актуальность работы обусловлена тем, что несмотря на многолетнюю традицию изучения эвиденциальности в болгарском языке, проблема пересечения ренарратива и конклюзива, особенно при наличии глагола речи как лексического маркера косвенной информации, недостаточно исследована. Статья восполняет данный пробел, предлагая интерпретацию, выходящую за рамки строгих грамматических классификаций и учитывающую реальную языковую практику XIX века. Данные статьи позволяют уточнить динамику развития болгарской эвиденциальной системы и вносят вклад в понимание эволюции категорий, которые и сегодня вызывают интерпретационные трудности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей выбора форм со связкой и без нее в контекстах, где уже есть лексический ренарративный маркер. Автор показывает, что употребление форм со связкой не может быть интерпретировано лишь как нарушение нормативной парадигмы или как тривиальная вариативность. На основе тщательного сопоставления примеров делается важный вывод: л-форма со связкой в конструкциях пересказа в большинстве случаев указывает на когнитивную переработку информации автором, на её переход из разряда чужих слов в категорию собственных опосредованных знаний. Это существенный вклад в понимание взаимодействия эвиденциальности и эпистемической модальности в болгарском языке XIX века.

Стиль и структура статьи выдержаны в академическом формате: плавный переход от теоретической базы к анализу материала, детальная аргументация и большое количество примеров. Особенно важным достоинством является тщательная работа с текстом источника: автор не ограничивается иллюстрациями, а показывает, как меняется значение формы в зависимости от коммуникативной ситуации, контекста письма, предшествующих событий. В то же время можно рекомендовать небольшое усиление аналитического обобщения — некоторые разделы содержат детальный разбор примеров, но несколько уступают в синтетичности выводов, которые могли бы быть представлены в более компактном сопоставительном виде.

Библиография статьи представлена широко и релевантно. Автор опирается на ключевые труды по болгарской эвиденциальности (А. Айхенвальд, Р. Ницолова, М. Макарцев, К. Алексова и др.), а также на исторические источники, что обеспечивает достоверность данных и глубину анализа. Корпус литературы охватывает как классические работы, так

и современные исследования, что свидетельствует о глубокой проработанности темы. Апелляция к оппонентам представлена корректно: автор сопоставляет различные модели интерпретации болгарской эвиденциальной системы (двухчленную, трехчленную, четырехчленную), показывает, что существующие подходы не всегда позволяют объяснить реальные употребления, что делает исследование особенно значимым в научной дискуссии.

Выводы статьи убедительны и логично вытекают из анализа: автор показывает, что л-формы со связкой в конструкциях пересказа в большинстве случаев отражают эпистемическое включение информации говорящего, а не механическую вариативность. Для читательской аудитории исследование представляет высокий интерес — как для историков языка, так и для специалистов по эвиденциальности и балканистике.

Статья производит впечатление зрелой и высококачественной научной работы. Обладает актуальностью и научной новизной и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования»